

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Библейские исследования

Z.

**УЧЕНИЕ БЛАЖЕННОГО
АВГУСТИНА
О БОГОДУХОВЕННОСТИ
СВ. ПИСАНИЯ**

Чтения в Обществе любителей духовного просвещения,
1893, № 7, с. 68-92

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Ученіе блаженнаго Августина о богодухновенности Священнаго Писанія.

Вопросъ о богодухновенности Священнаго Писанія есть одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ богословской науки и до настоящаго времени не рѣшенъ окончательно. Это не значить, конечно, что богодухновенность Писанія не занимала и не занимаетъ мыслящія умы; нѣтъ, этимъ вопросомъ интересовались всегда, а въ послѣднее время ¹⁾ ему удѣлено особенно много трудовъ и усилій человѣческихъ, но всѣ они не привели къ желаннымъ результатамъ и только наглядно показали, какъ трудно научно обосновать то, что скорѣе составляетъ область вѣры, нежели знанія.

Такой характеръ вопроса о богодухновенности не могъ не отразиться и на ученіи блаженнаго Августина по этому предмету. Взглядъ его на богодухновенность Священнаго Писанія нестрого выработанъ и по мѣстамъ встрѣчаются значительныя затрудненія въ опредѣленіи его понятія о богодухновенности. По примѣру своихъ предшественниковъ ²⁾ блаженный Августинъ обращаетъ преимущественное вниманіе

---

¹⁾ Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ многочисленныя труды по вопросу о богодухновенности Священнаго Писанія протестантскихъ богослововъ, каковы напр. Таллукъ, Роте, Шенкель, Бунзенъ, Баумгартенъ, Эбрардъ и др.

²⁾ Святые отцы и учителя первенствующей церкви не занимались специально вопросомъ о богодухновенности; ихъ замѣчанія по данному вопросу разсѣяны въ многочисленныхъ мѣстахъ ихъ сочиненій и до начала IV вѣка совершенно не касаются вопроса о вдохновеніи священныхъ писателей, а указываютъ лишь на безусловную непогрѣшимость и абсолютную правдивость сообщаемыхъ въ Писаніи истинъ.

на непогрѣшимость Священнаго Писанія и только въ одномъ изъ своихъ сочиненій ³⁾ онъ говоритъ, хотя и косвеннымъ образомъ о мѣрѣ участія священныхъ писателей въ дѣлѣ написанія Священнаго Писанія. На послѣднее блаженный Августинъ смотритъ самымъ возвышеннымъ образомъ; въ немъ онъ справедливо видитъ руководительное начало каждаго христіанина, его онъ по праву признаетъ самообнаруженіемъ Божества. Въ Священномъ Писаніи выразилась величайшая любовь Творца къ слабымъ созданіямъ, — Творца, не желающаго смерти грѣшника и дающаго ему всѣ средства ко спасенію. Блаженный Августинъ, на собственномъ опытѣ извѣдавшій всю горечь грѣховнаго состоянія и всю сладость духовнаго общенія съ Богомъ, видя въ Священномъ Писаніи пути Божественнаго промысленія о людяхъ, естественно долженъ былъ признавать за нимъ величайшій авторитетъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что блаженный Августинъ называетъ Священное Писаніе *divinae, sanctae, divini codices* ⁴⁾, *chirographum Dei* ⁵⁾, *venerabilis stilus Spiritus Sancti* ⁶⁾ и т. п. Эти и подобныя наименованія, усвояемая блаженнымъ Августиномъ Священному Писанію, наглядно показываютъ намъ, какъ высоко стоялъ въ глазахъ нашего учителя авторитетъ Писанія. Послѣднее, по его мнѣнію, должно быть признаваемо всѣми христіанами, иначе ихъ ожидаетъ вѣчное осужденіе Господомъ. „Ты, Господи, говоритъ блаженный Августинъ, убѣдилъ меня въ томъ, что подлежатъ осужденію не тѣ, которые вѣрятъ божественнымъ книгамъ, но тѣ, которые не вѣрятъ имъ; такъ какъ книги эти, по Твоему же устроенію, имѣютъ всеобщій авторитетъ“ ⁷⁾. Да и какъ не признавать эти глаголы живота вѣчнаго, когда они излились изъ ума высочайшаго, Божественнаго! Какъ отвергать эту вѣчную истину, заключающуюся въ Писаніи, когда

3) De consensu evangelistarum.

4) Epistol. 147, 9.

5) Enarr. in. Psal. 144, 17.

6) Confes. lib. VI, c. 5.

7) Confes. lib VI c. 5.

изрекъ ее самъ Богъ?!¹⁾ Само собою понятно, что такой взглядъ блаженнаго Августина на Священное Писаніе необходимо предполагаетъ богодуховенность. И, въ самомъ дѣлѣ, что это было бы за рукописаніе Бога (*quoddam chirographum Dei*²⁾), если бы оно было небогодуховенно?! Итакъ, несомнѣнно, что блаженный Августинъ признавалъ Священное Писаніе богодуховеннымъ. А если такъ, то очевидно, что писатели этого величайшаго произведенія были руководимы Духомъ Святымъ и находились подъ непосредственнымъ Его воздѣйствіемъ. Блаж. Августинъ такъ и думаетъ. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ рѣшительно высказываетъ мысль, что писатели священныхъ книгъ были вдохновляемы Духомъ Святымъ и писали только то, что Ему было угодно. „Если спрашиваютъ меня, говоритъ церковный учитель, почему авторитетъ LXX во многихъ мѣстахъ отличается отъ той истины, которая находится въ еврейскихъ кодексахъ, то ничего мнѣ не представляется болѣе рѣроятнымъ, какъ-то, что переводчики переводили тѣмъ же Духомъ, которымъ было написано и то, что переводилось“³⁾. Впрочемъ, и независимо отъ этого, взглядъ блаженнаго Августина на священныхъ писателей, какъ мужей богодуховенныхъ, съ очевидностію вытекаетъ изъ самыхъ названій Священнаго Писанія, усвояемыхъ послѣднему епископомъ Иппонскимъ.

Но, признавая священныхъ писателей орудіями Святаго Духа въ написаніи книгъ завѣта, блаженный Августинъ не отрицалъ и того, что священные писатели были орудіями сознательными и не походили на механическіе приборы, исполняющіе волю ихъ управителя. Многочисленныя мѣста въ сочиненіяхъ Августина вполне подтверждаютъ это. Такъ, въ сочиненіи „*De consensu evangelistarum*“ онъ замѣчаетъ, что каждый изъ писателей, хотя былъ вдохновленъ, однако не лишнимъ считалъ присоединить долю своего труда (*non superfluum cooperatorem sui laboris ad-*

¹⁾ Ibid. XIII, § 44.

²⁾ Enarr. in. Psal 144, 17.

³⁾ De cons. evang. lib. II c. 66 § 12. Много и другихъ мѣстъ подобнаго рода встрѣчается у бл. Августина, но всѣ они подтверждаютъ одну вышеупомянутую мысль его.

junxit ¹⁾ и писалъ при этомъ или короче, или пространнѣе (vel brevius vel prolixius) ²⁾.

Уже эти одни выраженія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что блаженный Августинъ признавалъ сознательное отношеніе писателей къ сообщаемому имъ откровенію и не считалъ ихъ записчиками или секретарями Христа и Святаго Духа (tabellarii sive notarii). Съ особенною же ясностію ученіе блаженнаго Августина о присутствіи въ дѣлѣ написанія Священнаго писанія человѣческаго элемента выступаетъ тамъ, гдѣ онъ старается согласить различныя показанія евангелистовъ объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ подобнаго соглашенія, чтобы вполне убѣдиться въ томъ, какъ много сравнительно мѣста оставлено было блаженнымъ Августиномъ для человѣческой дѣятельности при написаніи слова Господа.

Такъ, разсматривая различныя показанія евангелистовъ Матѳея ³⁾ и Марка ⁴⁾ о времени выступленія Иисуса Христа въ назаретской синагогѣ, учитель церкви замѣчаетъ: „неизвѣстно... Матѳеи-ли вспомнилъ какъ опущенное, или Маркъ опередилъ въ воспоминаніи; но кто нибудь изъ нихъ удержалъ порядокъ совершившейся вещи, а кто-нибудь (удержалъ порядокъ) своего воспоминанія“ ⁵⁾, и тѣмъ самымъ прекрасно доказалъ, что, по его мнѣнію, благодать Святаго Духа не была подавляющею и уничтожающею самодѣятельность повѣтсвователей. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства евангелисты одни и тѣже происшествія воспоминали при различной евангельской обстановкѣ. Въ доказательство этого блаженный Августинъ представляетъ повѣтствованіе евангелистовъ объ одномъ и томъ же прокаженномъ, но совершенно при различныхъ обстоятельствахъ. Въ то время, какъ евангелистъ Матѳеи приводитъ рассказъ объ исцѣленіи прокаженнаго вслѣдъ за нагорною проповѣдью Хрис-

¹⁾ De cons. evang. lib. 1 c. 2 n. 4.

²⁾ Ibid. lib. II, c. 12 n. 27.

³⁾ XIII 53—54

⁴⁾ VI гл. 1—2.

⁵⁾ De cons. evang. lib. I c. 30

та ¹⁾, Маркъ передаетъ о томъ же событіи, какъ совершившемся во время проповѣди Спасителя въ Галилеѣ ²⁾, а Лука—тотчасъ же по призваніи двѣнадцати учениковъ ³⁾. Обращая вниманіе на повѣтствованіе Луки, блаженный Августинъ замѣчаетъ, что Лука говоритъ о томъ же прокаженномъ, котораго имѣютъ въ виду и упомянутые два евангелиста, но только онъ вспомнилъ о немъ нѣсколько несвоевременно, такъ сказать, что зависѣло не отъ него, а скорѣе отъ законовъ воспоминанія. ⁴⁾ Совершенно аналогичный примѣръ представляютъ повѣтствованія евангелистовъ ⁵⁾ объ изгнаніи торгующихъ изъ храма. Въ то время какъ, по единогласному свидѣтельству синоптиковъ, событіе это совершилось немедленно послѣ торжественнаго входа Господа во Іерусалимъ, по показанію евангелиста Іоанна, оно произошло въ первую Пасху послѣ крещенія Христа. Очевидно, говоритъ блаж. Августинъ, кто-либо изъ евангелистовъ забылъ, когда именно совершилось указанное событіе и склоняется при этомъ къ тому мнѣнію, что евангелистъ Іоаннъ (*illud primum commemorat*) вспомнилъ это прежде. Подобныя же замѣчанія встрѣчаются у блаженнаго Августина и при соглашеніи имъ другихъ мѣстъ евангелія. Въ этомъ отношеніи можно указать на различныя показанія евангелистовъ Матѳея ⁶⁾, и Луки ⁷⁾ относительно которыхъ церковный учитель замѣчаетъ: „порядокъ Матѳея никоимъ образомъ не должно считать направленнымъ на нѣчто другое; но скорѣе нужно полагать, что Лука предупредилъ то, что произошло въ Іерусалимѣ, и въ воспоминаніи своемъ поставилъ раньше, чѣмъ по разсказу его, Господь прибылъ въ Іерусалимъ“ ⁸⁾.

Много и другихъ примѣровъ подобнаго рода можно представить изъ сочиненій блаженнаго Августина, но всѣ они показыва-

¹⁾ VIII гл. 1—2 ст.

²⁾ гл. 39—40.

³⁾ V гл. 12—13 ст.

⁴⁾ De cons. evang. lib. II c. 19 § 44.

⁵⁾ Мѳ. XXI, 12; Мрк. 11, 15 ст.; Лк. XX, 45; Іоан. II, 13—17.

⁶⁾ XXIII гл. 39.

⁷⁾ XIII гл. 31—35

⁸⁾ De cons. evang. lib. II c. 75 § 145.

югъ одно, что священные писатели, хотя и находились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Святаго Духа, однако были и свободными, сознательно усвая и сообщая то, что внушала „имъ Утѣшитель, о Которомъ Христосъ сказалъ апостоламъ: Онъ наставитъ васъ на всякую истину и грядущее возвеститъ“¹⁾). Только при такомъ воззрѣніи на дѣло и можно объяснить указанныя разногласія „евангелистовъ“, только тогда намъ и будутъ понятны такіе факты, какъ прогнание Іоны повелѣнію Божию²⁾, выраженіе готовности къ проповѣди со стороны пророка Исаи³⁾ и др. Блаженный Августинъ прекрасно понималъ это и потому не могъ согласиться съ нѣкоторыми изъ своихъ предшественниковъ⁴⁾ касательно воззрѣнія на вдохновеніе писателей, какъ на состояніе, совершенно исключющее сознательное отношеніе писателей къ открываемымъ имъ истинамъ и превращающее ихъ въ слѣпое орудіе Духа Святаго⁵⁾).

Но если священные писатели были разумными служителями слова, если они, по выраженію нашего церковнаго учителя, будучи вдохновляемы Духомъ Святымъ, не лишнимъ считали при-

¹⁾ Іоан. XVI гл. 13 ст. Срав. Іоан. XIV гл. 26; XV гл. 26

²⁾ Іон. I гл. 3 ст.

³⁾ Ис. VI, 5. 8.

⁴⁾ Сюда нужно отнести Оригена и др.

⁵⁾ Въ чемъ состояло вдохновеніе священныхъ писателей, блаженный Августинъ не указываетъ, но такъ-какъ вся его теорія богодухновенности носитъ православный характеръ; то, ясно что и на самый актъ вдохновенія нашъ церковный учитель имѣлъ правильное воззрѣніе. А если такъ, то вдохновеніе священныхъ писателей нужно представлять такъ: Духъ Святой, руководившій священными писателями при изъясненіи ими глаголювъ живота вѣчнаго, сообщалъ органамъ своего откровенія готовые мысли; послѣднія же, проникая умъ и сердце писателей, дѣлались какъ бы ихъ собственнымъ достояніемъ и, такимъ образомъ, выходили изъ подъ ихъ пера, будучи уже глубоко продуманы и прочувствованы священными писателями. Изагались эти мысли въ различныхъ человѣческихъ формахъ, зависящихъ отъ воли писателей, хотя, несомнѣнно послѣдніе таинственнымъ воздѣйствіемъ Святаго Духа и охранялись отъ тѣхъ неточностей въ выраженіи и ошибокъ, которыя такъ естественно могли быть допущены священными писателями. Отсюда нужно признать что вдохновеніе священныхъ писате-

совокупить и долю своего труда ¹⁾ то естественно спросить: въ чемъ же заключается трудъ священныхъ писателей при начертаніи ими божественнаго откровенія людямъ? что именно нужно считать человѣческимъ элементомъ въ богооткровенномъ ученіи? Блаженный Августинъ не даетъ намъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ; однако при ближайшемъ знакомствѣ съ его сочиненіями можно находить въ послѣднихъ такія выраженія, которыя даютъ намъ ключъ къ разрѣшенію упомянутаго вопроса.

Такъ, знаменитый учитель церкви въ своемъ сочиненіи: „De consensu evangelistarum“ говоритъ между прочимъ, что „отъ священныхъ писателей нельзя требовать, что бы они чрезъ силу Святаго Духа не имѣли различія ни въ родѣ словъ, ни въ порядкѣ, нивъ числѣ²⁾“. Почему же такъ говоритъ блаженный Августинъ? Безъ сомнѣнія потому, что въ противномъ случаѣ ему пришлось бы превратить писателей въ пишущія машины и признать протестантскій dictamen Святаго Духа; а такъ-какъ этого не могъ допустить церковный учитель, то нужно было необходимо признать, что произведенія избранныхъ отъ Бога мужей будутъ носить отпечатокъ ихъ личности. И это понятно; каждое произведеніе, вышедшее изъ подъ пера человѣка, не можетъ не отразить особенностей языка, характера и возрѣній своего писателя. Вотъ на эти-то особенности рѣчи, на эти-то характерные признаки каждаго писателя и хотѣлъ, по нашему мнѣнію, указать блаженный Августинъ вышеприведенными словами. — Вторымъ человѣческимъ элементомъ Писанія Августинъ признавалъ, намъ кажется, многообразіе формъ, употребляемыхъ писателями, для выраженія одной и той же мысли. На это намекаетъ церковный учитель, когда говоритъ: „нѣтъ противорѣчій, если писатель передаетъ нѣчто инымъ образомъ, (чѣмъ другой), еси только обнаруживается та же истина вещей и мыслей“ ³⁾ II, въ самомъ дѣлѣ, „какъ всякое органическое тѣло имѣетъ свой собственный видъ и цвѣтъ, хотя всѣ развиваются подъ влія-

лей простирались не только на мысль, но и на форму, по сколько послѣдняя не отдѣлима отъ первой.

¹⁾ De cons. evang. lib. 1, c. 2 и 4.

²⁾ De cons. evang. lib. II, c. 12 § 28.

³⁾ De cons. evang. lib. II, c. 19 § 47.

ніемъ одного, одинаково на всѣхъ дѣйствующаго солнца; какъ каждая мѣстность имѣетъ свою особенную флору и фауну, хотя основныя силы природы однѣ и тѣ же; какъ въ семействѣ каждый членъ отличается особеннымъ характеромъ, такъ и въ царствѣ благодати вообще и въ области откровенія въ особенности, каждый писатель его подъ наитіемъ единого общаго всѣмъ имъ Духа Божія воспринимаетъ божественное откровеніе съ различныхъ сторонъ, имѣетъ различный способъ ученія и представленія божественныхъ истинъ“¹⁾.—Наконецъ, таже человѣческая сторона Писанія состоитъ, по ученію бл. Августина, и въ историческомъ происхожденіи книгъ. Несомнѣнно, полагаетъ Августинъ, каждый священный писатель пользовался произведеніями своихъ предшественниковъ и, если находилъ нужнымъ заимствовалъ даже изъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія²⁾. Каждый (изъ евангелистовъ), говоритъ онъ, въ отдѣльности удерживалъ свой порядокъ повѣствованія, однако же не оказывается, чтобы кто-либо изъ нихъ хотѣлъ писать, какъ бы игнорируя (пренебрегая) своего предшественника“³⁾.

Итакъ, мы сказали, что въ Священномъ Писаніи, написанномъ людьми, хотя и вдохновенными, безспорно, есть человѣческій элементъ, сказали далѣе, что этого не отрицать и блаженный Августинъ. Если же такъ, если и по ученію епископа Иппонскаго, сознательное отношеніе священныхъ писателей къ сообщаемому имъ Святымъ Духомъ откровенію заявило себя нѣкоторыми человѣческими элементами, то не внесено-ли вмѣстѣ съ этимъ и нѣчто человѣчески ненадежное, не заключаетъ-ли Священное Писаніе неточностей и ошибокъ, такъ свойственныхъ ограниченному уму человѣческому? Этотъ вопросъ едва-ли не самый трудный въ ученіи обогодухновенности вообще и Августинова въ частности. Дѣло въ томъ, что нашъ церковный

¹⁾ Graff. Ueber die besonderen Offenbarungen Gottes und Kritiken 1859. S. 437—438.

²⁾ Такія заимствованія преимущественно можно указать въ книгахъ Царствъ, которыя составлены въ большей своей части на основаніи государственныхъ записей или хроникъ.

³⁾ De cons. evang. l. 1 c. II n. 14.

учитель не твердо держится своего единого начала и часто высказываетъ мысли, разногласящія нѣсколько съ остальнымъ его ученіемъ. Отъ этого, между прочимъ, зависятъ и различные взгляды на рѣшеніе Августиномъ поставленнаго вопроса. Обыкновенно выводится изъ словъ Августина по данному предмету такое заключеніе, которому сочувствуетъ самъ изслѣдователь. Въ самомъ дѣлѣ, Dieckhoff и Dausch, занимаясь разсмотрѣніемъ одного и того же ученія Августина о богодуховенности и связанной съ ней непогрѣшимости Священнаго Писанія, пришли совершенно къ противоположнымъ результатамъ, при чемъ оба стараются находить для себя основанія въ ученіи епископа Иппонскаго.

Первый изъ указанныхъ ученыхъ держится того взгляда, что Священное Писаніе не чуждо ошибокъ и неточностей въ тѣхъ мѣстахъ своихъ, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ истинамъ вѣры и нравственности. „Абсолютной не погрѣшимости, говоритъ Dieckhoff, даже въ вещахъ незначительныхъ Священное Писаніе не представляетъ. Оно было бы само противъ себя, если бы было подведено подъ абсолютное понятіе непогрѣшимости“¹⁾. Въ доказательство этого онъ, какъ и другіе противники непогрѣшимости Писанія, въ сущности приводитъ такого рода соображенія: въ Священномъ Писаніи вмѣстѣ съ истинами необходимыми для каждаго истинно-вѣрующаго христіанина, есть истины, которыя имѣютъ чистовременный и мѣстный характеръ и потому не имѣютъ существеннаго отношенія къ религіознонравственной жизни человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, безспорно, что фактъ — одного или двухъ ангеловъ видѣли мѣроносицы на гробѣ воскресшаго Спасителя, рано ли утромъ они пришли туда, или уже возсіявшу солнцу, не особенно важенъ. Такъ почему же не допустить ошибокъ въ подобныхъ случаяхъ тѣмъ болѣе, что сами священные писатели не приписывали себѣ авторитета въ вещахъ, не имѣющихъ близкаго отношенія къ тайнѣ искупленія²⁾. Эти погрѣшности и неточности Писа-

1) Dieckhoff. Die Inspiration und. Irrtumlosigkeit der heiligen Schrift. 1891. 5. 97.

2) 1 Коринѣ. I, 16. 2 Коринѣ. XII, 4.

нѣя нисколько не могутъ вредить ему, потомучто послѣднее имѣеть своєю цѣлью подать намъ силы, яже къ животу и благочестію, а не представить строгую философскую систему. или кодексъ естественныхъ наукъ. Проникнутый такими взглядами Dieckhoff¹⁾ и въ ученіи Августина постарался найти для себя нѣкоторое основаніе. Блаженный Августинъ, разсматривая различныя показанія евангелистовъ — Матѳея²⁾ и Луки³⁾ относительно порядка искушеній, повидимому, склоненъ признать, что одинъ изъ евангелистовъ представилъ порядокъ искушеній несоотвѣтствующій дѣйствительному происшествію. Вотъ, какъ самъ говоритъ онъ по этому поводу: „все это (повѣствованіе) почти также передаетъ Лука, хотя не въ томъ порядкѣ; отсюда неизвѣстно, что раньше случилось: или сначала Ему (І. Христу) показаны бы царства земли а затѣмъ онъ былъ поднятъ на крыло храма, или это прежде, а то послѣ⁴⁾ Точно также блаженный Августинъ признаеть, что Лука⁵⁾ при повѣствованіи о допросѣ у Пилата въ очередномъ порядкѣ отдѣльныхъ частей отступаетъ отъ повѣствованій Матѳея⁶⁾ и Марка⁷⁾, однако не придаетъ этому никакого значенія, потому что это различіе въ повѣствованіи, — различіе, по Dieckhoff'у, очевидно, основанное на ошибочности воспоминанія евангелиста, не имѣеть существеннаго значенія для истины; nihil autem interest, quo ordine Lucas ista retulerit“⁸⁾. Весьма важно въ видахъ рѣшенія вопроса о томъ, при-

---

1) Мы не приводимъ основаній Dieckhoff'a въ пользу его мнѣнія о возможности ошибокъ въ Священномъ Писаніи въ томъ видѣ, въ какомъ они представляется въ упомянутомъ его сочиненіи, потому что они тамъ только намѣчаются, такъ сказать; мы же представили ихъ въ болѣе или менѣе развитой формѣ, однако же не противорѣчащей основнымъ воззрѣніямъ Dieckhoff'a на данный предметъ.

2) IV гл. 4—10.

3) IV гл. 3—1.

4) De cons. evang. lib. II c. 16.

5) XXIII гл. 3—25.

6) XXVII гл. 11—26.

7) XV гл. 2—15.

8) De cons. evang. lib. III c. 8 § 34.

знавалъ-ли Августинъ абсолютную непогрѣшимость Писанія, или не признавалъ обратить вниманіе на его замѣчаніе по поводу различныхъ словъ, приводимыхъ евангелистами изъ исторіи укрощенія бури на морѣ Галилейскомъ ¹⁾. „Нѣтъ нужды, говоритъ Августинъ, спрашивать, что изъ этого (т. е. изъ различныхъ словъ, приводимыхъ евангелистами) было сказано Христу. Ибо употребили-ли апостолы одно изъ трехъ изреченій (евангелистовъ), или совсѣмъ другія слова, какихъ евангелистъ не записалъ (вспомнилъ) -- та же сила для вѣрности мысли—что мѣшаетъ дѣлу“ ²⁾. Въ нашихъ видахъ въ данномъ случаѣ особенно важно то, что, повидимому, блаженный Августинъ находитъ возможнымъ допустить, что евангелисты иногда пишутъ не то что было на самомъ дѣлѣ, что они могутъ ошибаться въ воспроизведеніи фактовъ и передать нѣсколько неточно явленія дѣйствительности. Вотъ на это и было обращено вниманіе Dieckhoff'a, расположеннаго, какъ мы уже сказали, въ силу своихъ собственныхъ убѣжденій видѣть и въ ученіи блаженнаго Августина о богодухновенности Священнаго Писанія подтвержденіе личныхъ воззрѣній.

Однако всѣ эти выраженія блаженнаго Августина, приводимыя Dieckhoff'омъ въ доказательство того, что и самъ Августинъ признавалъ возможность ошибокъ въ Священномъ Писаніи, не могутъ подтвердить желанной для Dieckhoff'a мысли ³⁾; они свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что блаженный Августинъ затруднялся въ рѣшеніи этого вопроса, колебался, такъ сказать, между признаніемъ погрѣшности и непогрѣшности Писанія, хотя въ концѣ концовъ рѣшительно сталъ на сторону послѣдней. Въ виду этого мы охотно соглашаемся съ мнѣніемъ Дауша, что епископъ Иппонскій строго держался

¹⁾ Мѡ. VIII гл. 25—26; Мк. IV гл. 38—39; Лк. VIII гл. 24.

²⁾ De cons. evang. lib II c 24.

³⁾ Эти выраженія Августина очень немногочисленны, а потому они не могутъ служить выраженіемъ взгляда нашего церковнаго учителя, тѣмъ болѣе, что имъ противостоятъ цѣлый рядъ другихъ изреченій Августина, совершенно имъ противоположныхъ, побуждающія насъ не согласиться съ Dieckhoff'омъ

абсолютной непогрѣшимости Писанія и былъ противъ мнѣнія о возможности ошибокъ въ божественномъ словѣ. Къ такому своему заключенію Даушъ пришелъ, обративъ вниманіе преимущественно на тѣ мѣста изъ сочиненій Августина, которыя говорятъ объ абсолютной непогрѣшимости Писанія, — а такихъ мѣстъ, нужно замѣтить, у блаженнаго Августина большинство, и всѣ они рѣшительно исключаютъ возможность какихъ бы то ни было ошибокъ въ словѣ Божіемъ.

Мы уже говорили, что блаженный Августинъ называетъ Священное Писаніе, какъ бы нѣкоторымъ рукописаніемъ Бога (*quoddam chyrographum Dei*)¹⁾, долженствующимъ пребывать во всѣ времена, глаголомъ, излившимся изъ ума Божественнаго, словомъ, какъ бы продиктованнымъ Духомъ Святымъ и т. п.²⁾ Уже эти одни выраженія, употребляемая церковнымъ учителемъ по отношенію къ Священному Писанію, съ несомнѣнною ясностію и убѣдительностію доказываютъ намъ, что самъ епископъ Иппонскій былъ очень далекъ отъ того, чтобы признать возможность ошибокъ въ томъ руководительномъ началѣ жизни и дѣятельности человѣческой, каковымъ по всей справедливости считалъ Августинъ откровенное ученіе. Если же мы обратимся къ другимъ изреченіямъ нашего учителя : касательно Священнаго Писанія, то найдемъ новыя и весьма прочныя подтвержденія только что высказанной мысли. Такъ, въ своей „Исповѣди“ блаженный Августинъ говорить, между прочимъ: „я повѣрялъ слова Твои, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно-ли семь или восемь разъ останавливался Ты надъ твореніями Своими и произносилъ надъ ними Свой одобрителный судъ... И я воскликнулъ: о, Господи, Боже мой! Неужели писаніе Твое подлежитъ сомнѣнію въ истинности, между тѣмъ какъ оно отъ Тебя истиннаго и самой

¹⁾ Enarr. in Psal. 144, 17.

²⁾ Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ, что это диктованіе Святаго Духа не важно понимать буквально, что оно не исключаетъ самодѣятельности священныхъ писателей, сознательныхъ орудій Святаго Духа, а употребляется для того, чтобы доказать абсолютную непогрѣшимость Священнаго Писанія

истины? На это Ты мнѣ отвѣтствуешь: о, человекъ! не сомнѣвайся, что слова Писанія Моего суть слова Мои“¹⁾, иначе говоря: не сомнѣвайся въ томъ, что Мое слово истинно, что оно безусловно непогрѣшимо и сообщаетъ одну только вѣчную и неизмѣнную правду. Ту же самую мысль, — мысль о безусловной непогрѣшимости Писанія, но еще болѣе ясно подтверждаютъ другія мѣста твореній блаженнаго Августина. „Я твердо вѣрю, говоритъ Августинъ въ своемъ письмѣ къ Иерониму, что никакой авторъ ихъ (писаній) не погрѣшилъ при написаніи ихъ. И если открою въ этихъ письменахъ что-либо такое, что кажется противорѣчающимъ истинѣ, то не сомнѣваюсь, что это не что иное, какъ или кодексъ не вѣренъ, или переводчикъ (толкователь) не слѣдуетъ тому, что сказано, или что я слишкомъ мало понимаю (Священное Писаніе)“²⁾. И эти слова вполне естественно слышатъ изъ устъ Августина, такъ какъ „Священное Писаніе какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта... предпочитается всѣмъ позднѣйшимъ писаніямъ епископовъ настолько..., что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, истинно-ли и дѣйствительно-ли то, что находится въ томъ Писаніи“³⁾. Это предпочтеніе, отдаваемое блаженнымъ Августиномъ Священному писанію предъ всякимъ другимъ словомъ писаннымъ, или не писаннымъ устнымъ, — предпочтеніе, основанное на безусловной истинности Писанія, простирается у него и на научныя истины. Поэтому-то онъ рѣшительно осуждаетъ людей, готовыхъ усумниться въ непогрѣшимости Писанія (въ данномъ случаѣ разумѣется непогрѣшимость Писанія въ научныхъ истинахъ, какъ это увидимъ мы изъ приводимыхъ ниже словъ) всякій разъ, когда какая-либо наука отрицаетъ священную истину и выдвигаетъ на ея мѣсто свою теорію, не согласную съ сообщеніемъ Писанія. Такіе люди, по глубокому убѣжденію Августина, опасно заблуждаются, такъ какъ забываютъ высочайшій авторитетъ Писанія, его безу-

1) Confes lib XIII c. XXIX s'144.

2) Epist. 82 ad Hieronymum. 3.

3) De Baptism contr. Donat lib. II c 3 n. 4

словную непогрѣшимость. „Опаснѣе, чѣмъ тѣ, говорить по этому поводу церковный учитель, которые отрицаютъ только форму Писанія, заблуждаются тѣ слабые братья, которые приходятъ въ ужасъ, если безбожные люди (атеисты) представляютъ остроумныя изслѣдованія естественно научныхъ вопросовъ, и которые изъ страха предъ божкомъ ложнаго знанія съ отвращеніемъ читаютъ святыя книги, изъ которыхъ они должны бы почерпать радость и услажденіе“¹⁾.

Всего же нагляднѣе ученіе блаженнаго Августина объ абсолютной непогрѣшимости Священнаго Писанія выразилось въ его взглядѣ на переводѣ LXX-ти, которому церковный учитель придаетъ божественный авторитетъ. По его мысли, переводчики священныхъ книгъ находились подъ такимъ же воздѣйствіемъ Духа Святаго, подъ которымъ находились и сами священные писатели. Это доказывается тѣмъ удивительнымъ согласіемъ LXX-ти, которое они обнаружили въ своемъ переводѣ. „Преданіе, говоритъ блаженный Августинъ о переводѣ LXX-ти, свидѣтельствуемъ, что въ ихъ словахъ было такое удивительное и поражающее до очевидности божественное согласіе, что хотя за своею работою они сидѣли отдѣльно одинъ отъ другаго (такимъ путемъ Птоломей захотѣлъ провѣрить ихъ добросовѣстность), однако между ними не оказалось различія ни въ одномъ какомъ-либо словѣ, имѣвшемъ у нихъ одинаковый смыслъ и одинаковое значеніе.., но какъ бы переводчикъ былъ одинъ, такъ какъ переведенное ими всѣми было тождественно, ибо во всѣхъ ихъ на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же Духъ. Такой удивительный даръ Божій былъ сообщенъ имъ для того, чтобы и этимъ еще способомъ придать тѣмъ писаніямъ авторитетъ писаній не человѣческихъ, а божественныхъ, какими они и были,—авторитетъ, который имѣлъ нѣкогда принести пользу будущимъ вѣрующимъ изъ язычниковъ, что мы и видимъ уже исполнившимся“²⁾. Отсюда, изъ этого просвѣщающаго дѣйствія божественной благодати на

1) De Genes. ad litt. 1, n. 40.

2) De civitate Dei XVIII, c. 42.

умы переводчиковъ слѣдуетъ и то, что они совершенно не погрѣшны и если внесли въ Писаніе то, чего нельзя найти въ подлинникѣ, то сдѣлали это согласно желанію и намѣренію Святаго Духа. Послѣдній „по божественному авторитету могъ, конечно, говорить и нѣчто иное, подобно тому, какъ извѣстный пророкъ говорилъ и то и другое, потому что и то-другое говорилъ тотъ же самый Духъ; могъ говорить и тоже самое иначе, такъ что людямъ, хорошо понимающимъ, видѣнъ былъ, хотя и не подъ одинаковыми словами, тотъ же самый смыслъ, могъ, наконецъ, иное опускать, а другое добавлять, чтобы отсюда видно было, что это было дѣломъ не рабскаго труда человѣка, какимъ долженъ былъ быть переводъ буквальный, а дѣломъ власти божественной, которая наполняла и направляла умъ переводчиковъ... Слѣдовательно, все, что въ еврейскихъ кодексахъ есть, а у LXX-ти нѣтъ, все то Духъ Божій благоволилъ сказать не черезъ нихъ, а чрезъ пророковъ. Все же, что есть у LXX и чего нѣтъ въ еврейскихъ кодексахъ, тотъ же самый Духъ предпочелъ высказать чрезъ нихъ, а не чрезъ пророковъ, показывая, такимъ образомъ, что тѣ и другіе были пророками ¹⁾

Ту же самую мысль о веногрѣшимости писанія подтверждаетъ и весьма характерное объясненіе блаженнымъ Августинъ XXVII главы (9 ст. и дал.) Евангелія отъ Матоея. Здѣсь евангелистъ, приводя слова пророка Захаріи, цитуетъ пророка Іеремію. Отчего произошла эта ошибка, объясняютъ различно (и не такъ, разумѣется, какъ объясняетъ это Августинъ); для насъ важно только, что, по мнѣнію блаженнаго Августина, это обстоятельство не случайное: оно произошло по нѣкоторому скрытому намѣренію Святаго Духа, управлявшаго воспоминаніями евангелистовъ каковое намѣреніе Св. Духа церковной учитель усматриваетъ въ Его желаніи показать единство пророковъ ²⁾.

Итакъ чтоже? Можно ли послѣ всего этого серьезно утверждать, что нашъ церковный учитель признавалъ воз-

1) De civit. Dei. XVIII, c. 43

2) De cons. evang. lib. III, c. 7 § 30.

возможность ошибокъ въ Священномъ Писаніи, когда онъ такъ рѣшительно и ясно опровергаетъ эту мысль? Какъ бы чувствуя, что нѣкоторыя мѣста его сочиненій могутъ быть и будутъ истолкованы въ нежелательномъ для него смыслѣ, онъ въ своемъ „соглашеніи евангелистовъ“ замѣчаетъ, что „всякая забывчивость отсутствуетъ у евангелистовъ, не только та, которая происходитъ (является) черезъ ложь, но даже и та, которая происходитъ чрезъ забывчивость“¹⁾. Этими своими словами блаженный Августинъ, очевидно, желалъ сказать, что различныя показанія евангелистовъ относительно одного и того же событія не должны быть считаемы за ошибочныя, что они, несомнѣнно, повѣствуютъ о томъ, что было и не несоотвѣтствуютъ дѣйствительности, какъ это утверждаетъ Dieckhoff.

Наконецъ то, что блаженный Августинъ не допускалъ возможности ошибокъ въ Священномъ писаніи, что онъ признавалъ его абсолютную непогрѣшимость, съ несомнѣнною слѣдуетъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ знаменитый церковный учитель. Извѣстно, что во времена Августина, какъ и до него язычники не хотѣли вѣрить въ божественное лицо Иисуса Христа, между прочимъ, потому, что книги, повѣствующія о Его жизни и дѣятельности, написаны не Имъ лично, а Его учениками, которые будто бы могли извратить дѣйствительные факты и представить въ своихъ книгахъ то, что никогда не существовало, какъ историческій фактъ. Августинъ, отвергая эти ложныя мнѣнія язычниковъ, естественно долженъ былъ утверждать совершенно противное имъ, долженъ былъ признать абсолютную непогрѣшимость Священнаго Писанія. И онъ, дѣйствительно, дѣлаетъ это, причемъ употребляетъ такія выраженія для доказательства истинности сообщаемыхъ въ Писаніи фактовъ, которые послужили для протестантовъ основаніемъ для ихъ ученія о богодухновенности Священнаго Писанія,—ученія, исключающаго всякую самодѣтельность писателей и превращающаго ихъ въ записчиковъ или секретарей (*tabellii et notarii*) Святаго Духа²⁾.

¹⁾ De cons. evang. lib. II. c. 12.

²⁾ О тѣхъ мѣстахъ иль твореній блаженнаго Августина, на которыхъ

Насколько правъ нашъ церковный учитель, признавая абсолютную непогрѣшимость Священнаго Писанія, сказать весьма трудно. Конечно, есть весьма серьезныя основанія допускать возможность ошибокъ въ тѣхъ мѣстахъ Священнаго Писанія, которыя не имѣютъ существеннаго значенія для вѣры и нравственности, — основанія, заключающіяся въ общемъ понятіи богодуховенности, какъ взаимодѣйствіи Духа Божественнаго и духа человѣческаго, на что обратилъ вниманіе Dieckhoff и другіе сторонники этого взгляда, но есть и не менѣе серьезныя возраженія противъ такого воззрѣнія. Дѣло въ томъ, что въ высшей степени трудно и, пожалуй, совершенно невозможно установить различіе существеннаго отъ несущественнаго. Гдѣ критерій у насъ для такого различія? Критерія этого Священное Писаніе не указываетъ, а человѣческій выборъ далеко не авторитетенъ. При этомъ, допустивъ каждаго разбирать по своему произволу, что въ Писаніи существенно необходимо для спасенія и безъ чего возможно достигнуть его, мы по необходимости подвергнемъ сомнѣнію все священное Писаніе и ученіе о богодуховенности безвозвратно потеряетъ свою силу. Свидѣтельство Священнаго Писанія о томъ, что писатели священныхъ книгъ не считали себя авторитетными въ вещахъ, не относящихся ко спасенію и сознавали предѣлъ своей богодуховенности¹⁾ нисколько не говоритъ противъ абсолютной непогрѣшимости Священнаго Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, эти мѣста Священнаго Писанія ни въ какомъ случаѣ не могутъ говорить о томъ, что Священные писатели смѣшивали истину съ ложью, что они къ богодуховенному слову присоединяли нѣчто такое, что вытекало изъ духа, не просвѣщеннаго божественнымъ воздѣйствіемъ. А если такъ, то эти мѣста Писанія не могутъ служить и основаніемъ мнѣнія о возможности ошибокъ въ несущественно важныхъ пунктахъ Священнаго

основывали свое ученіе древніе протестанты, мы скажемъ ниже, гдѣ постараемся доказать, что ссылка протестантовъ XVII вѣка на Августина, какъ главу ихъ механической теоріи богодуховенности, совершенно неосновательна и отвергается какъ обстоятельствомъ, при которыхъ писалъ епископъ Ипповскій, такъ и всѣми другими его твореніями.

¹⁾ 1 Коринѣ. VII, 10. 12, 25.

писанія. Отсюда очень трудно сдѣлать выборъ между этими двумя мнѣніями, такъ какъ каждое изъ нихъ имѣетъ для себя болѣе или менѣе вѣскія основанія. Но и другое мнѣніе согласно съ требованіями вѣры и оба они сходятся въ томъ общемъ воззрѣніи, что Священное Писаніе, какъ говоритъ Эбрардъ, богодухновенно во всякомъ случаѣ, при такомъ или иномъ пониманіи или ограниченіи богодухновенности ¹⁾).

Итакъ, мы рѣшительно утверждаемъ, что блаженный Августинъ признавалъ абсолютную непогрѣшимость Священного Писанія. Вѣроятно это-то признаніе Августиномъ за Священнымъ Писаніемъ абсолютной непогрѣшимости и послужило впоследствии для протестантовъ основаніемъ для нихъ ученія о богодухновенности, — ученія въ существѣ совершенно отличнаго отъ ученія блаженнаго Августина. Впрочемъ, протестантскіе богословы стараго времени указываютъ на Августина, какъ человѣка проложившаго путь ихъ понятію и ученію о богодухновенности и по другимъ основаніямъ. Такими мнимыми основаніями для протестантской теоріи богодухновенности въ ученіи Августина служатъ его выраженія, свидѣтельствующія, повидимому, что онъ всецѣло и исключительно придавалъ значеніе въ написаніи книгъ Священнаго Писанія благодати Божіей, отрицая при этомъ всякую самодѣятельность живыхъ органовъ божественнаго откровенія. Сюда относятся протестантами прежде всего нѣкоторыя изъ наименованій, усвояемыхъ блаженнымъ Августиномъ Священному писанію, — таковы, напр. наименованія Писанія: *chirographum Dei*, *venegabilis stilus Spiritus Sancti* и др. Сюда же относится ими и то, что священные писатели, изъ рукъ которыхъ, по волѣ Бога, вышли священныя книги, по нему суть не болѣе, какъ Его руки, писавшія то, что пожелаетъ ихъ глава, — что совершенно невозможны никакія ошибки въ Писаніи, — ошибки не только намѣренныя, но даже и такія, которыя происходятъ отъ забывчивости ²⁾); отсюда даже самыя мни-

1) *Christliche Dogmatik* § 32.

2) *De cons. evang. lib. II* c 12.

мо-противорѣчивыя показанія евангелистовъ, передача ими одного и того же факта нѣсколько различнымъ образомъ не имѣеть значенія, „такъ какъ никто не властенъ, въ какомъ порядкѣ кто воспоминаеть... каждый изъ евангелистовъ, вѣроятно, считалъ обязанностію повѣствовать въ такомъ порядкѣ, въ какомъ угодно было Богу внушать его памяти то самое, что онъ повѣствовалъ“¹⁾). А все это, говорятъ протестанты, представляетъ въ сущности наше ученіе, нашу теорію богодухновенности.

Но можно-ли признать доводы протестантовъ состоятельными? Можно-ли согласиться съ ними, что Августинова теорія богодухновенности есть теорія механическая и потому можетъ служить для нихъ прямымъ и прочнымъ основаніемъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Дѣло въ томъ, что каждый святой отецъ, каждый учитель церкви только тогда можетъ быть понятъ правильно, когда мы будемъ все его сочиненія разсматривать въ связи одно съ другимъ, а тѣмъ болѣе въ связи должны быть разсматриваемы различныя мѣста одного и того же сочиненія; контекстъ рѣчи, какъ извѣстно, имѣеть очень серьезное значеніе при изъясненіи смысла каждаго сочиненія. Не менѣе важно для такого правильнаго пониманія твореній отеческихъ знать тѣ обстоятельства, при которыхъ писаны эти сочиненія, тѣ поводы, которые вызвали появленіе ихъ. Вотъ на эти-то столь важныя условія правильнаго толкованія твореній не обратили, а быть можетъ, и не хотѣли обратить вниманіе протестантскіе богословы; отсюда-то они и сдѣлали такой выводъ изъ ученія блаженнаго Августина о богодухновенности, который рѣшительно противорѣчилъ его взгляду.

Мы уже видѣли, что блаженный Августинъ не только не считалъ священныхъ писателей перьями Святаго Духа, какъ то выходитъ по ученію протестантовъ, но напротивъ ясно выражалъ свою вѣру въ сознательное отношеніе ихъ къ сообщаемому имъ откровенію. Мы видѣли также, что онъ только настойчиво держится непогрѣшимости Писанія и ради доказательства этой мысли иногда прибѣгаетъ къ та-

1) De cons. evang lib II, c. 21.

кимъ пріемамъ, которые, конечно, не могутъ быть оправданы съ нашей точки зрѣнія, но которые однакоже не могутъ бросать тѣни на ученіе Августина о богодухновенности Священнаго Писанія, какъ ученіе православное, — ученіе, твердо установленное на основаніи другихъ мѣстъ его твореній. Къ такимъ именно пріемамъ долженъ быть отнесенъ, между прочимъ, и вышеприведенный взглядъ нашего церковнаго учителя на переводъ LXX — взглядъ, приводимый протестантами въ пользу своей теоріи богодухновенности, основывающейся, будто бы, на древнеотеческомъ ученіи и, главнымъ образомъ, на ученіи Августина. Епископъ Иппонскій изъ желанія доказать свою излюбленную мысль о непогрѣшимости писанія жертвуетъ очевидною неточностію перевода LXX, явными привнесеніями въ текстъ нѣкоторыхъ мѣстъ, не имѣющихъ въ подлинникѣ и все это старается объяснить волею и желаніемъ Святаго Духа, управлявшаго переводчиками. Правда, этотъ взглядъ не совсѣмъ правильный и не можетъ быть раздѣляемъ и не раздѣляется церковью вполне, но онъ, повторяемъ, совершенно не подтверждаетъ того мнѣнія, что блаженный Августинъ былъ сторонникомъ механической теоріи вдохновенія, по которой, дѣйствительно, все, что относится къ Священному Писанію, происходитъ отъ Духа Святаго, по которой не только вставки, подобныя допущеннымъ въ переводѣ LXX-ти, но даже и буквы имѣютъ божественное происхожденіе. Блаженный Августинъ, какъ мы показали, былъ далекъ отъ этого воззрѣнія на богодухновенность Писанія и напрасно протестантскіе богословы стараются навязать ему то, что съ такою рѣшительностію разрушалъ нашъ церковный учитель. Равнымъ образомъ и наименованія Августиномъ Писанія *chyrographum Dei, venerabilis stilus Spiritus Sancti* и др., его рѣчь о *cistamen*ѣ Святаго Духа, объ апостолахъ, какъ рукахъ Господа, указывающая, будто, на его механическій взглядъ на вдохновеніе, объясняется просто тѣми обстоятельствами, которые заставили Августина употребить подобныя выраженія, и тѣми взглядами Августина на непогрѣшимость Писанія, которая всегда имѣла въ виду епископъ Иппонскій.

Къ такимъ побудительнымъ обстоятельствамъ, вынуждавшимъ блаженнаго Августина на упомянутыя выраженія, нужно отнести неправильный взглядъ язычниковъ на Священное Писаніе вообще и священныхъ писателей въ частности. По мнѣнію язычниковъ Иисусъ Христосъ былъ, дѣйствительно, лицомъ историческимъ, но онъ не былъ такимъ, какимъ Его представляютъ въ евангеліи Апостолы. Онъ не былъ лицомъ божественнымъ, Богочеловѣкомъ, и если изображается таковымъ, то по недоразумѣнію писателей, людей необразованныхъ, всегда способныхъ исказить истину. Блаженный Августинъ не могъ, разумѣется, раздѣлять подобныхъ воззрѣній; онъ до глубины души былъ возмущенъ несправедливымъ отношеніемъ язычниковъ къ священнымъ писателямъ и возражалъ имъ такимъ образомъ. Вы сами признаете, какъ бы такъ говорилъ Августинъ, Христа величайшимъ челоуѣкомъ на историческомъ поприщѣ, мудрѣйшимъ философомъ, далеко превосходящимъ въ этомъ отношеніи всѣхъ мудрецовъ, по чему же вы не считаете Его способнымъ научить Своихъ ближайшихъ послѣдователей тому, чему сумѣли научить своихъ учениковъ обыкновенные смертные? Почему вы вѣрите тому, что написали о Сократѣ, Пифагорѣ ихъ ученики и не придасте почти никакого значенія писаніямъ апостоловъ, повѣствующимъ объ ихъ величайшемъ учителѣ — Христѣ? Это, конечно, верхъ несправедливости, особенно если обратить вниманіе на то необыкновенное отношеніе апостоловъ къ своему Божественному Учителю, въ которомъ они находились въ продолженіи всей земной жизни Спасителя. Ученики Христа суть Его руки, они писали только то, что угодно было сообщить о Себѣ ихъ головѣ, и потому ихъ повѣствованіе запечатлѣно величайшимъ авторитетомъ справедливости и непогрѣшимости. „Что за причина, говоритъ блаженный Августинъ, того, почему относительно ихъ (философовъ) вѣрятъ тому, что ихъ ученики передали въ сочиненіяхъ, а о Христѣ не желаютъ вѣрить тому, что о Немъ ученики Его написали?... Ужели тѣ, о которыхъ они не сомнѣваются, что они были гораздо ниже Его, могли сдѣлать учениковъ свидѣтелями о себѣ, а Самъ Онъ не могъ?“¹⁾ Нѣтъ, „когда они (ученики

¹⁾ De cons. evang. lib. 1 c. 7. § 12.

Христа) писали то, что Онъ явилъ и сказалъ, то ни въ какомъ случаѣ не должно говорить, что Самъ Онъ не писалъ; поелику члены Его то дѣлали, что знали отъ головы говорящей. Пбо чему Онъ хотѣлъ научить насъ о Своихъ дѣлахъ и словахъ, то велѣлъ имъ записать, какъ Своимъ руками“¹⁾. Эти образныя выраженія блаженнаго Августина, представляющія, повидимому, учениковъ Христовыхъ слѣпными орудіями Его воли, имѣютъ въ виду доказать лишь одну мысль объ истинности и непогрѣшимости Священнаго Писанія и указываютъ на ближайшее отношеніе учениковъ Христовыхъ къ Богочеловѣку, въ которомъ они, дѣйствительно, къ Нему находились. Августинъ въ данномъ случаѣ прекрасно изображаетъ это отношеніе между Божественнымъ Учителемъ и Его учениками подъ образомъ человѣческаго организма, въ которомъ первенствующее мѣсто въ видѣ главы занимаетъ Христосъ, а ученики Его служатъ второстепенными членами этого организма—руками. Отсюда, изъ этого ближайшаго отношенія между Христомъ и Его учениками, изображеннаго въ приведенной образной формѣ, мы можемъ убѣдиться лишь въ томъ, что блаженный Августинъ смотрѣлъ на учениковъ Христовыхъ, какъ на самыхъ достовѣрныхъ повѣствователей о Его дѣлахъ, но ни въ какомъ случаѣ не можемъ вывести заключенія въ пользу протестантской теоріи богодухновенности.

Отличіе и даже рѣшительная противоположность Августиновой теоріи богодухновенности протестантскому ученію о томъ же будетъ еще нагляднѣе, если мы обратимъ вниманіе на ученіе Блаженнаго Августина о буквѣ Писанія.—ученіе, совершенно противорѣчащее протестантскому взгляду на богодухновенность Священнаго Писанія. Августинъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій замѣчаетъ, что истина не связана съ однимъ опредѣленнымъ словомъ, что она можетъ быть передаваема въ различныхъ формахъ и что поэтому священные писатели, какъ сознательныя орудія Святаго Духа, могли выражать и, дѣйствительно, выражали собственными словами то, что имъ внушено было свыше. „Изъ

¹⁾ Цит. соч. Dieckhoff'a стр. 17.

всеобщаго разнообразія словъ и согласія предметозъ и мыслей, говоритъ Августинъ, явствуетъ достаточно...., что ничто не должно быть отыскиваемо въ словахъ, кромѣ воли говорящихъ“¹⁾. „Не должны думать жалкіе критики словъ, нишетъ въ другомъ мѣстѣ нашъ церковный учитель, что истина должна быть связана нѣкоторымъ образомъ съ письменными знаками“²⁾. Еще яснѣе выражается та же самая мысль въ слѣдующихъ словахъ Августина: „если спрашиваютъ, почему авторитетъ LXX-ти во многихъ мѣстахъ отличается отъ той истины, которая находится въ еврейскихъ кодексахъ, то ничего не представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, какъ то, что переводчики переводили тѣмъ же Духомъ, которымъ было сказано и то, что переводилось... Знать это полезно и для нравовъ, и для охраненія себя и осужденія лжи, полезно и для самой вѣры, чтобы не подумали, что истина какъ бы связана съ освященными знаками, такъ будто Богъ внушилъ намъ, какъ самое дѣло, такъ и слова, которыя сказаны для выраженія его“³⁾.

Отсюда, изъ разсмотрѣнія тѣхъ основаній, которыя приводятъ протестанты въ пользу своего ученія о механической теоріи вдохновенія и изъ положительнаго ученія Августина о буквѣ Писанія, по нашему мнѣнію, необходимо придти къ заключенію, что эти ссылки протестантовъ не состоятельны, что онѣ основаны на одностороннемъ пониманіи Августинова ученія и виждутся на тѣхъ немногихъ изреченіяхъ блаженнаго Августина, которыя, будучи разсмотрѣны въ контекстѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ привести безпристрастнаго изслѣдователя къ тѣмъ заключеніямъ, которыя, кажется, не безъ намѣренія выведены протестантскими богословами.

Наконецъ, что касается выводовъ изъ всего вообще ученія Августина о богодухновенности Писанія, то они, кажется, должны быть таковы. Блаженный Августинъ, какъ

1) De cons. evang. lib. II, c. 46.

2) Ibid. c. XXVIII n 67

3) De cons. evang. lib. II c. 66 § 128.

и другіе церковные писатели первенствующей церкви, не представилъ намъ цѣльнаго спеціальнаго изслѣдованія по вопросу о богодухновенности; его разсужденія по этому предмету разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ его твореній и нерѣдко такъ разнорѣчивы и рѣзки, что даютъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ поводъ дѣлать отчасти на основаніи словъ самого же Августина такія заключенія объ его ученіи, которыя, несомнѣнно, не сдѣлалъ бы самъ епископъ Иппонскій. Правда, подобныя заключенія основаны большею частью на предвзятой теоріи богодухновенности и вытекаютъ скорѣе изъ желанія изслѣдователя подтвердить свою мысль, чѣмъ дѣйствительно основываются на словахъ Августина. Однако уже это обстоятельство показываетъ намъ, что учене Августина о богодухновенности Священнаго Писанія, дѣйствительно, страдаетъ темнотою и неопредѣленностію. Впрочемъ разобравшись повнимательнѣе въ этомъ ученіи Августина, необходимо придти къ заключенію, что его учене православное, что — оно очень далеко отъ протестантскаго *dictamen*'а и если допускалъ иногда выраженія, не соотвѣтствующія православному воззрѣнію на богодухновенность, то изъ единственнаго благочестиваго и вполне, кажется, законнаго желанія доказать непогрѣшимость Священнаго Писанія. По Августину, Священное Писаніе представляетъ изъ себя тѣ досточтимыя письма, которымъ суждено въ продолженіи столькихъ вѣковъ служить во благо и спасеніе всѣмъ народамъ, во всемъ мірѣ своимъ божественнымъ авторитетомъ разсѣвать и ниспровергать всякія ложныя ученія¹⁾; написано оно по внушенію Духа Святаго мужами богодухновенными, причемъ писатели священныя книгъ не были только механическими орудіями Божественнаго Духа, а сознательно записывали то, что, по плану Божественнаго домостроительства, должно было сообщить людямъ. Но это сообщеніе органамъ Святаго Духа — Священнымъ писателямъ не было дано имъ въ готовой формѣ: они сами должны были облекать божественныя

¹⁾ Confes. lib. XII c. XXVI § 36.

истины въ соотвѣтствующія имъ словесныя формы, хотя Духъ Святой и предохранялъ ихъ отъ неточностей и ошибокъ, которыя могли вкрасться, благодаря человѣческой слабости и несовершенствамъ.

Z.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**